

Тбилисские граждане Нахим Лаксинг и Григорий Фридмань представили Ея Императорскому Высочеству Государыни Великой Княгини Ольги Феодоровны в пользу больных и раненых войнъ триста руб., каковое пожертвование Его Императорское Высочество Великой Князь Наместникъ соизволил приказать принять, а жертвователей благодарить отъ Имени Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

ТЕЛЕГРАММЫ

ГАЗЕТЫ „КАВКАЗЪ“

(Выходят въ „Прибавленияхъ“).

Отъ корреспондента.

Изъ Ахалцхского отряда. По распоряженію начальника отряда генералъ-лейтенанта Девеля, въ девяти местахъ отъ Ардагана, возводятся мосты чрезъ Куру. 25 апрѣля на противоположный берегъ прибылъ Хаджи-Гусейнъ-паша, съ инженернымъ офицеромъ и 60 кавалеристами конвой. Наши стрѣлки открыли огонь. Въ это время 20 всадниковъ Ахалцхской конной милиціи, подъ начальствомъ князя Накашидзе, не взирая на быстроту и глубину рѣки, переплыли на коняхъ Куру и бросились на непріятеля, обратившагося въ бѣгство. Всадники наши трехъ положили на мѣсть, а трехъ башибузуковъ взяли въ плѣнъ съ оружіемъ, потерявъ съ своей стороны одного утонувшаго. 27-го, генералъ-лейтенантъ Девель произвелъ рекогносцировку съ восточной стороны Гюльвердинскихъ высотъ подъ выстрѣлами изъ укрѣпленія Омаръ-Оглы-Табія; турецкая пѣхота вышла изъ укрѣпленія; завязалась перестрѣлка, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашихъ орудій непріятель спрятался въ укрѣпленіе. 28 апрѣля, авангардъ и главные силы отряда подвинулись къ Ардагану. Турецкая пѣхота съ артиллеріей открыла огонь по строющемуся мосту; чрезъ 1/4 часа наши стрѣлки изъ ложементовъ и взводъ артиллеріи заставили непріятеля отступить. 29 апрѣля мостъ былъ готовъ; генералъ-лейтенантъ Девель съ летучимъ отрядомъ перешелъ мостъ, обозрѣвъ лѣвый берегъ Куры и подробно разслѣдовалъ сѣверную часть Ардаганскихъ укрѣпленій.

Отъ международного агентства.

Берлинъ, 5 (17) мая. Бухарестскія газеты сообщаютъ о новомъ бомбардированіи Ольтеницы, начавшемся въ полдень. Румыны отвѣчаютъ сильнымъ огнемъ; изъ Ольтеницы виднѣнъ пожаръ Туртукая; попытка турокъ высадиться отражена. Вчера Великій Князь Николай Николаевичъ принималъ болгарскую депутацію; бухарестскія газеты подтверждаютъ переходъ русскихъ

чрезъ Дунай у Хиусте; сильный бой въ рукавъ Дуная у Подбаще близъ Мачина; попытка сдѣлать вылазку у Макау близъ Журжева отражена.

С.-Петербургъ, 5 мая. По телеграммѣ изъ Правительственнаго Вѣстника изъ Плошти отъ 3 (15) мая пребываніе Его Высочества Главнокомандующаго въ Бухарестѣ сопровождалось сочувственными оваціями. У Браилова устроены сегодня загражденія въ Мачинскомъ рукавъ подъ выстрѣлами турецкихъ мониторовъ, не причинившихъ нашимъ войскамъ вреда.

Отъ специального агентства.

С.-Петербургъ, 30 апрѣля. Агенсе Generale Russe сообщаетъ, что кабинеты: берлинскій, вѣнскій и лондонскій протестовали противъ короткаго срока, предоставленнаго нейтральнымъ судамъ Чернаго моря. Русское правительство обратило вниманіе на то, что блокада Чернаго моря не можетъ считаться действительной.

С.-Петербургъ, 5 мая. Телеграммы изъ Константинополя и Вѣны увѣряютъ, что русскіе при Болбаши, близъ Браилова, перешли Дунай и въ Добруджѣ идетъ сраженіе.

Вѣна, 5 мая. Князь Миланъ серьезно думаетъ отречься отъ престола.

Плошти, 4 мая. Румынскій князь посетилъ Главнокомандующаго южною арміею. Русскіе не имѣли столкновенія съ турецкими войсками въ Румыніи; были только незначительныя перестрѣлки у Виддина и Ольтеницы.

Одесса, 4 мая. Пароходъ „Константиноль“, ходившій въ Батумъ, возвратился.

Севастополь, 4 мая. Нашъ пароходъ „Аргонавтъ“ подходилъ къ устью Дуная; турецкіе броненосцы гнались за нимъ, но скоро отстали, и онъ возвратился въ Очаковъ.

Отъ агентства Гаваса.

Парижъ, 29 апрѣля (11 мая *). Сегодня передъ Браиловымъ русскія батареи подбили турецкій мониторъ и заставили его пойти ко дну.

Лондонъ, 29 апрѣля (11 мая). Въ засѣданіи палаты общинъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Боркъ опредѣлялъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ отношеніе сенъ-джемака кабинета къ русско-турецкой войнѣ: „Англійское правительство желаетъ соблюдать строгій и беспристрастный нейтралитетъ, но не можетъ сохранить пассивную роль, въ случаѣ, если будетъ приступлено къ раздробленію Османской имперіи. Враждебная понужденію и вооруженному вмѣ-

*) Телеграмма эта изъ запоздавшихъ и уже извѣстна читателямъ.

шательству политика кабинета естественно замѣнилась политикой, состоящей въ соблюденіи полного нейтралитета и въ охраненіи интересовъ Англии; но интересы страны, а также всего цивилизованнаго міра требуютъ, чтобы Англія не принимала въ настоящую минуту рѣшенія, могущаго связать ей руки, а сохранила полную свободу дѣйствія на будущее время.“

Парижъ, 5 (17) мая. Распространился слухъ о предстоящемъ образованіи кабинета подъ предсѣтельствомъ герцога Брольо и съ участіемъ де-Фурту.

Президентъ республики маршалъ Макъ-Магонъ заявляетъ, что онъ будетъ придерживаться политики мира по отношенію ко всемъ державамъ и энергически укротитъ клерикальное движеніе внутри страны.

Палата депутатовъ приняла, большинствомъ 355 голосовъ противъ 154, переходъ къ очередному порядку, предложенный лѣвой стороной и состоящей въ слѣдующемъ: палата можетъ питать довѣріе только къ такому кабинету, который свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и твердо рѣшился управлять страной на основаніи республиканскихъ принциповъ.

Только при этомъ непрѣмномъ условіи народное представительство можетъ гарантировать порядокъ и благоденствіе внутри страны и миръ по отношенію къ иностраннымъ державамъ.

Лондонъ, 30 апрѣля (12 мая). Пренія, возбужденныя въ палатѣ общинъ резолюціями Гладстона, окончатся въ понедѣльникъ.

Назначеніе генерала Симмона командиромъ англійскаго отряда, готоваго къ выступленію на Востокъ, опровергается изъ надежныхъ источниковъ.

Англія не намѣрена препятствовать прохожденію русскихъ военныхъ кораблей чрезъ Суэзскій каналъ.

С.-Петербургская биржа, 4 мая. Вексельный курсъ на 3 мѣсяца.

Table with exchange rates for London, Paris, and Amsterdam, including percentages and currency types like 'пери', 'сант.', 'руб.', 'к.', 'коп.'.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЪ.

1. Раздѣлъ Турціи.

Кромѣ войны, сдѣлавшейся постояннымъ и первостепеннымъ интересомъ журналистики, иностранныя газеты заняты теперь преимущественно тремя предметами—раздѣломъ Турціи, русскимъ МанIFESTомъ и рѣ-

шеніемъ въ имперскомъ сеймѣ Германіи. Касательно раздѣла Турціи, въ Европѣ обратили вниманіе на слѣдующее заявленіе, присланное изъ Берлина въ одну изъ вѣнскихъ газетъ (N. Wien. Tagbl.) и яко-бы связанное съ дѣятельностью Фадеева въ Бѣградѣ: „Черногорія объявляется независимымъ государствомъ и получаетъ Герцогиню съ сѣверою частью Албаніи. Сербія считается вассаломъ Порты, но приобретаетъ Старую Сербію и Новый Базаръ, который соединитъ ее съ Черногоріей. Болгарія составляетъ такое-же вассальное государство Порты, какъ нынѣ Румынія; но ея будущій князь еще не назначенъ. Румынія становится независимой и получаетъ Добруджу. Между царствующими домами Черногоріи и Сербіи заключается договоръ о наследствѣ, по которому оба государства сливаются въ одно цѣлое, въ случаѣ вымирания одной изъ сторонъ. Въ помннутыя четыре государства поступаютъ подъ покровительство Русскаго Императора, который принимаетъ титулъ императора славянскаго (положеніе, весьма схожее съ положеніемъ вѣмеккаго императора относительно южныхъ государствъ Германіи). Они заключаютъ съ Россіей одинакіе договоры, по которымъ Россія обязывается охранять ихъ политическое положеніе и принимаетъ на себя руководство ихъ военными дѣлами, а также устраиваетъ ихъ торгово-политическія отношенія. Говорятъ, эта программа извѣстна высшимъ лицамъ въ Россіи, и лишь отъ хода военныхъ дѣлъ зависитъ, когда она будетъ выдвинута официально. Въ ней ничего не сказано про Боснію. Эта провинція, гдѣ магометане и католики уравниваются число православыихъ, останется вѣномъ, входящимъ въ Сербію и Черногорію, или-же будетъ предложена Австріи, въ видѣ вознагражденія.“

2. Русскій Манifestъ и Европа.

Масса статей и замѣтокъ, ксати и нексати, по поводу нашего Манifestа о войнѣ, которыми наводнены послѣдніе номера иностранныхъ газетъ, весьма любопытна. Ея историческое значеніе состоитъ въ подтвержденіи старой истины, что общественное мнѣніе на Западѣ, за весьма немногими исключеніями, крайне враждебно Россіи (*). Не будемъ говорить о грубыхъ до тошноты выходкахъ англійской печати, требующей истребить Россію или, по-крайней-мѣрѣ, загнать подальше въ Азію это исчадіе ада. Мы гдѣ болѣе желаемъ пощадить гуманнаго чувства читателя, что ему самому легко представить себѣ, какъ выражается торгашъ, у котораго заговорила кобылка и который, притомъ, любитъ употреблять весьма крѣпкіе напитки, кровавыя яства и боксы вмѣсто убѣжденій. Всемъ извѣстна также туранская деликатность австрійской печати, но грустно за человечество, что французскія газеты стали впадать въ подобный-же тонъ, подлаживаясь подъ Journal des Débats, снискавшій себѣ неслетное названіе „турецкаго монитора“.

*) Мы уже давно и часто обращали вниманіе читателей на этотъ фактъ. Просимъ только не смѣшивать нашихъ мнѣній объ общественномъ мнѣніи и о правительствахъ Запада.

интересовъ нашей имперіи равенство силъ или, другими словами, вызывая безпрістрастіе, которое могло приобрести намъ довѣріе всехъ державъ. Это было политическою заповѣдью для русскихъ дипломатовъ того времени, и она свято исполнялась, по крайней-мѣрѣ, въ 1813 году.

Коварный союзъ Екатерины II съ Фридрихомъ II.

Какъ ловко проводила Екатерина свою идею, лучше всего доказываетъ ея союзъ съ Пруссіей. Всемъ было извѣстно, что она далеко недружелюбно относилась къ послѣдней. Уже въ манifestѣ о воевареніи она назвала ее „злѣйшимъ врагомъ Россіи“. Она видѣла въ ней опасную соперницу, судьба которой, въ силу ея молодости, ставилась въ будущность Россіи. Въ устарѣлой-же Австріи она видѣла безвредное орудіе возвеличенія молодой Россіи. Точно также смотрѣла на Россію и Пруссія. Братъ Фридриха, Генрихъ, сказалъ графу Сегюру: „Дидро замѣтилъ, что Россія—колось на глиняныхъ ногахъ. Но у этого огромнаго колосьа, на котораго трудно напасть, потому что онъ покрытъ ледяною кирасой, очень длинныя руки. Онъ можетъ протягиваться и наносить удары, куда ему угодно. Его средства и силы могутъ быть опасны Германіи—пойми только они ихъ и сумѣй употребить въ дѣло“ (37). И Екатерина сумѣла употребить въ дѣло эти громадныя силы Россіи. Ея союзъ съ Пруссіей—торжество ея политики. Она такъ ловко пользовалась имъ въ интере-

Какъ ни усовѣщиваютъ ихъ образованные органы Тьера, Гамбетты и правительства, онѣ не унимаются.

Одна только France, восторженнаго поклонника свободы и идеаловъ. Эмиль Жирардена, этого Габриэля въ публицистикѣ, съ радостью встрѣтила нашъ Манifestъ: она гордо пожелала побѣду „великому русскому народу“ и отъ души благословила Царя-Освободителя на новый подвигъ освобожденія. Въ Германіи только правительственные органы склоняются къ взгляду Жирардена; независимые-же стараются соперничать съ своими лондонскими и вѣнскими собратьями въ злобности и неприличіи тона, говоря о нашемъ Манifestѣ. Голосъ либеральной, самой интеллигентной и прогрессивной Германіи, Köln. Zeit. уже дошла до того, что выдѣлила Россію изъ семи „образованныхъ народовъ“. Она высасываетъ изъ кустаксмерн исторической лжи и беззубой алости заржавленное орудіе—панславизмъ, это кровожадное чудовище, которое составляетъ единственную опасность для спокойствія нашей части свѣта. Но что значитъ защищать неправое дѣло! Köln Zeit. и не замѣтила, какъ пошла въ просакъ, въ вопіющее противорѣчіе. Она, представительница прогресса, усердно помогавшая Бисмарку побѣдить клерикаловъ, вдругъ пошла объ руку съ ватиканскимъ „пержиткомъ“. Нужно-же, какъ всегда бывало въ газетныхъ проходахъ противъ Россіи, выдвинуть и другое древнее орудіе—польскій вопросъ! И вотъ, вѣмеккая газета, разрывающая вѣлки нашъ Манifestъ своею черкесскою критикой, увѣряетъ насъ: „Въ Германіи не вѣрять гуманнымъ поводамъ въ этой несправедливой, легкомысленной (frivole) войнѣ. Важныя заявленія англійскаго правительства, обнародованнаго оффиціальныя донесенія о жестокомъ пресѣдованіи (sic) католиковъ въ Россіи, совершенно открыли глаза тѣмъ, которые видѣли въ казакахъ рыцарей гуманности и религіозной терпимости“. При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія Европы повѣрши слѣдующему извѣщенію турецкаго посольства во Франціи: „Османское посольство ежедневно получаетъ множество просьбъ о поступленіи въ армію его величества со стороны французскихъ, англійскихъ, австрійскихъ и другихъ (какъ хорошо это и другихъ!) офицеровъ и охотниковъ. Благодаря за такое доказательство сочувствія къ дѣлу Турціи, посольство ожидало инструкцій. Теперь оно получило увѣдомленіе, что въ Константинополѣ образуется иностранный легионъ. Правда, это гдѣ странствующіе рыцари, которые пошли-бы и къ намъ на службу, подобно курдамъ; но они знаютъ, что въ рядахъ такой арміи, какъ наша, ихъ таланты могутъ блистать лишь гдѣ-нибудь назади, а у турокъ они будутъ заправилыми, интеллигентней. При всемъ томъ, важно, что въ числѣ этихъ влюблен-

*) И корреспонденты самой-же Köln. Zeit. симпатично описываютъ этихъ казаковъ! А что касется до общественныхъ донесеній, то это, конечно, работа того сорта консуловъ, который характеризованъ нами въ №№ 46 и 47 Кавказа: „Повѣсть о томъ, какъ англійскіе дипломаты создаютъ исторію“.

сахъ Россіи, что Фридрихъ, совершенно спутанный въ своихъ расчетахъ, воскликнулъ наконецъ: „Что, и въ союзъ съ Россіей, или вѣтъ? Этотъ непонятный съ перваго взгляда союзъ съ злѣйшимъ врагомъ объясняется вовсе не видиллическими стремленіями, а ясно сознанными потребностями Россіи. Вотъ какъ объясняетъ его сама Екатерина. Въ инструкціи своему посланнику при берлинскомъ дворѣ, Сергѣю Румянцову, посланной въ февралѣ 1786 года, она говоритъ между прочимъ: „Нельзя сказать, чтобы мы, въ свое время, не извлекли выгоды изъ этого союза и чтобы онъ не былъ полезенъ нашимъ интересамъ въ некоторомъ отношеніи“. „Россія была внутренно потрясена и лишена всякаго союзовъ, кромѣ русскаго, который въ сущности былъ истиннымъ подчиненіемъ“. Но это было необходимо для Россіи, потому что у нея развязывались руки въ борьбѣ съ турками, ибо, въ виду могущественной Пруссіи, никто не смѣлъ мѣшать намъ,—ни Швейцаріи съ Франціей, ни Австріи. Сверхъ того, мы приобрѣли въ Польшѣ преимущество, въ Германіи нѣкоторое вліяніе; въ Курляндіи-же совсѣмъ господствовали.“

(Продолж. будетъ).

*) Это выраженіе принадлежитъ г. Соловьеву (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXVI. Москва, 1876 г. стр. 162). Этому сужденію почтеннаго историка о политикѣ Екатерины прямо противорѣчатъ ея рескрипты, вызывавшіе всю требность ея политическаго взгляда. Точно также съ документами въ рукахъ можно доказать г. Соловьеву, что и иностранныя дипломаты видѣли въ политикѣ Россіи вовсе не „идиллію“.

II. Екатерина II—дипломатъ. Екатерина не была гениемъ въ иностранной политикѣ, не внесла въ нее новой, творческой идеи; но она была достойной преемницей основателя политическихъ преданій въ Россіи. Она была первымъ дипломатомъ своего времени, такъ какъ дряхлѣющему Фридриху уже не доставало отгадочности и энергии. Можно сказать, что тогда на политическомъ поприщѣ Европы была вполне мужчиной—одна Екатерина. Это былъ природный дипломатъ, и притомъ обладавшій очаровательными женскими. Родомъ вѣмка, но снискавшая широкую популярность въ своемъ новомъ отечествѣ, она поражала иностранцевъ тонкостью національнаго чувства и преданностью интересамъ Россіи. Екатерина понимала людей, и трудно было прельстить или запугать такую женщину, которая не могла перевернуть мысли, чтобы кто-либо, кромѣ нея самой, могъ сдѣлать ее несчастной. А практической смелости указывая ей неуловимую границу возможнаго среди благороднаго увлеченія смѣлыми теоріями и помогая быстро разбраться въ хаосъ дипломатическихъ интригъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина была отважна и рѣшительна. Она признавала только политику съ инициативой, точно также, какъ считала наступательную войну половинной побѣдой. Согласно съ этимъ, Екатерина была сама себѣ господинъ. Ей всегда принадлежала идея, направленіе, а перѣдко и менѣе планы политики. Она не только была незави-

сима отъ своихъ министровъ, но даже старалась выказать это, и иногда съ излишнимъ увлеченіемъ. Екатерина иногда ставила втупикъ своихъ министровъ внезапнымъ передвиженіемъ войскъ и флота или крутымъ поворотомъ въ дипломатіи. Она совершала важныя сдѣлки безъ ихъ вѣдома, и за спиной Панина назначала тайственные свиданія иностраннымъ посланникамъ. Однажды она сказала Потемкину: „я хочу сама управлять, и пусть знаетъ это Европа! Трудна была тогда роль иностранныхъ агентовъ въ Петербургѣ. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо имъ нужно было проводить всю подготовку, чтобы не попастись въ сѣти „безстрашной“ политики Екатерины, а между тѣмъ они ничего не понимали, ибо не у кого было вынудить дипломатическую тайну подкупкомъ, лестью или угрозой. Они находились въ вѣчномъ смущеніи, не зная, что принесетъ имъ завтрашній день, тѣмъ болѣе, что у Екатерины съ отвагой и мужествомъ соединялась хитрость. Иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что эта женщина была олицетворенное коварство. „Со всеми государями Европы веду себя, какъ въстакъ“, сказала она сама французскому посланнику. Но этотъ дипломатъ-кокетка, при своей живости и депетальной гордости, отличался самообладаніемъ и твердостью. Сегюръ мѣтко замѣтилъ, что она „непостоянна въ страхахъ, но тверда въ дружбѣ и принципахъ“ (стр. 46—47). Иностранная политика Екатерины несетъ печать глубокой идеи и широкаго понима-

